

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ЗАВЕЩАНИЕ КАЗАНОВЫ

Вера Александровна Колочкова

Завещание Казановы

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23744601

Колочкова, Вера. Завещание Казановы : роман: Издательство «Э»;

Москва; 2017

ISBN 978-5-699-95610-4

Аннотация

Арина и Родион полюбили друг друга еще будучи школьниками, однако после двадцати счастливых лет брака их семья распадается. Родион уходит к обеспеченной молодой женщине, без сожаления меняя беременную жену на деньги новой возлюбленной. Арина тяжело переживает расставание с мужем, и все же она сильная женщина. Ее спасает любовь к неродившемуся ребенку, да и взрослый сын не оставляет без поддержки. Но, как известно, беда не приходит одна... Неожиданно Арина узнает о смерти очень близкого человека и об огромном наследстве, которое он ей завещал. С этого момента жизнь ее меняется еще круче: открываются старые тайны, а на голову сваливаются новые беды...

Вера Колочкова

Завещание Казановы

Помолчи меня, лечи меня, поотмаливай.

Пролей на меня прохладный свой взор эмалевый.

Умой меня, замотай мне повязкой марлевой

Дурную не остывающую башку...

Вера Полозкова

© Колочкова В., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Стоило повернуть ключ в замочной скважине и открыть дверь квартиры, как состояние головокружения отступило, словно испугалось и не захотело дальше плестись за бедной головой в родные стены. Но сладковатая тошнота, верная подруга головокружения, никуда не делась, переступила-таки порог. Да и бог с ней, с тошнотой. Пережить можно. Тоже ничего хорошего, но... Все проходит, и это пройдет. И надо перетерпеть и подготовиться к тому, что дальше еще веселее будет, если судить по первому опыту. Васька, помнится, из нее все жизненные соки вытянул. Но когда это было, двадцать лет назад! Уже и забыть пора. И подготовиться пережить новый счастливый опыт. Долгожданный, неуклюжими молитвами выпрошенный. Тайный пока. Сюрприз для мужа Родиона и сына Васьки. Двадцать лет! Двадцать лет, с ума сойти.

Проходя из прихожей на кухню, Арина усмехнулась, представив их лица. Не ждали? Понятно, не ждали. А я вам, нате! Ждите приплода в семью. Можно выдохнуть и начинать удивляться, громко восклицать и буйно радоваться.

Ну Васькиного удивления она потом испробует, это успеется. Ваську сначала подготовить надо, чтоб не огорошить себя непредсказуемой сыновней эмоцией. Юноша уже и не юноша, а вполне себе зрелый мужик, но хвостик детского эгоизма все никак не отвалится. Ладно, с Васькой потом.

Сегодня пусть муж узнает – давно пора. Муж Родя. Родечка. Родион. Любимый, родной.

Взгромоздив пакет на стол, Арина не спеша принялась выкладывать купленные продукты – буханку черного хлеба, зеленые перья лука, тугие головки чеснока, подсолнечное масло в стеклянной бутылке, которое еле нашла в одном из магазинчиков на рынке. Большая редкость теперь. Хотя, конечно, вряд ли оно такое же, как прежде, с оглушающе сытным запахом... Жди, любимый, забытого счастливого угощения! Помнишь?

Родя смеяться будет, наверное. Скажет – чего придумала. Да, придумала! Вернее, вспомнила. А ты? Помнишь тот вечер, милый? Когда в доме ни копейки не было, и ты пришел растерянный, с пустыми руками? Помнишь, с каким отчаянием на меня глянул? Что ж делать, мол, надо признать, наша война проиграна. Двое влюбленных потерпели поражение в этой войне. Двое сопливых влюбленных, не дотянув-

ших пару месяцев до восемнадцати, но радостно объявивших себя счастливой семьей и осмелившихся плыть по бурному течению жизни в уютной лодчонке самонадеянности. Да еще и с приплодом, вскорости ожидаемым.

Помнишь, конечно. И наверняка помнишь, как я улыбнулась и ушла на кухню. Как плеснула остатки подсолнечного масла на сковороду, натерла чесноком хлеб, обжарила до хрустящей корочки...

Только я одна знаю, чего мне это стоило. Только я одна помню, как скрутилось мое нутро от запаха подсолнечного масла – того самого. Только я одна почувствовала, как возмутился в животе Васька, пихнул маленькой пяткой – ты что, мать, издеваешься надо мной, что ли? Вместо нормального ужина, положенного беременной женщине, – черный жареный хлеб?! Что за фигня на подсолнечном масле?!

Но не было в мире ничего вкуснее этого ужина – помнишь, Родя? Ели за милую душу, глядели друг на друга, блаженно сверкая глазами. Утлая лодчонка снова была трехпалубным кораблем в синих морских просторах. А еще было счастье вприкуску – вместо вина. И Васька притих и не пинался больше. Понял, наверное, что не надо сейчас. Уловил момент.

Говорят, подобные моменты счастья нельзя повторить, они сами по себе уникальны. Возникают ниоткуда, уходят в никуда. Но отчего ж не попробовать? А вдруг получится – еще раз? Тем более повод есть... Как предисловие к сюрпри-

зу.

Арина присела на кухонный стул, провела рукой по животу, вздохнула счастливо – эй, сюрприз, как ты себя чувствуешь? Все хорошо? Переживешь запах подсолнечного масла на раскаленной сковороде, не погонишь меня в туалет с выпученными от непереносимой тошноты глазами? Даже если погонишь, это ничего. Я потерплю, я вполне благополучно перенесу эту прекрасную непереносимость. Сейчас посижу, немного отдохну и приступим...

Арина подняла голову, привычно задержала взгляд на стене, и так же привычно мелькнула мысль: да, есть в этом что-то. Ерунда, конечно, и даже названия этому безобразию не подберешь, но есть, есть! Домашняя инсталляция, результат скороспелого творческого порыва. Синий цветок-мозаика, нагло, самоделковый и вызывающе-хулиганский, собранный почти наугад из осколков бабушкиных кобальтовых чашек. Она тогда махом все чашки грохнула, в один присест.

А как было, если вспомнить? Да, в тот вечер свекровь заявила, редкая гостья. Захотела на внука Васеньку посмотреть. Вот они с бабушкой и расстарались, с перепугу чашки нарядные из буфетных закровов на свет выволокли. Свекровь ушла, чаю напившись и на внука Васеньку наглядевшись, а она собрала все чашки на поднос, понесла на кухню... и в один присест грохнула. Руки дрожали от пережитого волнения, наверное. А как же – свекровь все-таки. Бабушка рукой махнула: на счастье, мол, Ариш, бог с ними! –

но Арина все равно расстроилась. Осколки собрала, отложила в сторону. А потом они сами на глаза попались. И не дала дурная голова ногам покою. Арина сбегала в магазин, купила убойный клей, и понесло... Взяла и выложила на стене эту самоделковую мозаику – одним духом, будто песню спела. Все так слепилось удачно в ярко-синий цветок! Наверное, так и бывает в жизни – когда стараешься что-то придумать, наброски-планы рисуешь, пыжишься изо всех сил, а ничего путного не выходит. А когда вот так, одним духом... И красиво! И необычно! И глаз радуется! Когда солнце на кухню заглядывает, острые края сверкают синими искрами, словно предупреждают – не подходи, не трогай руками. А тронешь – порежу к чертям собачьим. Сама, мол, налепила, сама и смотри на меня всю жизнь. И помни, и сохраняй дух счастливого времени.

В общем, не простой цветок получился, а цветок-символ. Потом, когда в лучшие времена с ремонтом затеялись, Родя хотел убрать самоделку. А она не дала. Грудью на защиту встала:

- Что ты, нельзя. Надо же сохранить, это наш символ.
- Символ чего?
- Символ нашей любви, нашей смелости! Нашей отчаянной счастливой юности!
- А я думал – символ нищеты. Лучше и не вспоминать, как мы жили – почти впроголодь.
- Ну да, впроголодь. Но, согласись, не все так могут, как

мы, чтобы лихо обмануть эту «проголодь» и быть ужасно счастливыми! А мы смогли... Потому что любили друг друга. Правда?

– Правда, правда. Хотя не вижу логики. Да, любовь и нищета часто оказываются в одном флаконе, но зачем уж так романтизировать?

– Ну что ты, Родя. По-моему, наоборот. Чем труднее жить, тем она веселее! Особенно, когда любишь!

– Ой, Аришка... Может, ты и права, конечно. А только не люблю я всех этих побасенок. С милым рай в шалаше. В тесноте да не в обиде. Или, как моя бабушка приговаривала по каждому случаю, голь на выдумки хитра. Терзала старую замшевую сумку, пытаюсь выкроить заплатки на рваные локти моего пиджака и приговаривала: ничего, мол, Родя, нынче так модно. А мы от моды ни на шаг...

– Ой, а я помню твой школьный пиджак! И заплатки помню! Но ведь и правда здорово получилось. Вполне стильно.

– Да ладно! Я ж не о том.

– А о чем?

– А о том, что цветок на стене – та же заплатка из прошлой жизни. Глупо ходить в заплатанном, если можно купить новое!

– Но сейчас и на новые вещи такие заплатки пришивают. Специально. Это модно. Давай оставим цветок, Родя! Я так привыкла к нему! Пусть как символ, как память.

– Да чего символ-то?

– Как чего? Я ж тебе объясняю: нашей юности, нашей счастливой любви, несмотря ни на что!

– Голь на выдумку хитра? Из той же серии, да?

– Ну... Пусть будет так, если хочешь. Да, юная голь была и хитра, и влюблена, и счастлива.

– Ой, да делай, как знаешь.

– Спасибо, Родь.

– Да ну... Вечно я тебе во всем уступаю.

– На том и держимся, милый. И я тебе во всем уступаю. Потому что сильно тебя люблю.

Цветок на стене остался жить своей жизнью. Как же она быстро бежит, эта жизнь! Оттого, наверное, что счастливая. В любви. Месяц – как один день. Год – как один месяц.

Арина вздохнула, улыбнулась. И мысленно поторопила себя: хватит пялиться на стену, надо за дело приниматься. Сегодня у нас романтический ужин, черный хлеб с чесноком, жаренный на масле. На том самом – уж прости, счастливая память! – зловонно подсолнечном. Да, надо бы на всякий случай вентиляцию на полную мощность включить.

Повязывая за спиной тесемки фартука, Арина вдруг поежилась, внезапно ощутив внутри непонятный испуг. Словно ящерка вильнула хвостом и тут же исчезла. И потом, когда Арина резала хлеб, когда натирала его чесноком, ощущение возвращалось и снова убегало, подрачивая. Вот уже и сама себя принялась уговаривать – ну что, что тебя беспокоит, в конце концов? Дух острый чесночный? Запах мас-

ла? Или боишься реакции мужа на приготовленный для него сюрприз? Ну это уж совсем глупо. Родя будет просто счастлив, это же ясно! Иначе и быть не может! Оторопеет, конечно, от неожиданности. Да все будет хорошо, господи! Неожиданность – тоже счастье!

Наверное, беременным теткам все время лезет в голову что-нибудь этакое, тревожно-трагическое на пустом месте. Ишь, гормоны как расплясались. Отыскивали «пустое место» и наявивают гопака, и дергают за тревожные веревочки! Уже и сама не знаешь, как их унять.

Ладно. Придется звонить Роде, ничего не поделаешь. Если сомневаешься, если невтерпеж – надо звонить. Просто голос его услышать и успокоиться. Давай, давай! Самой же потом будет стыдно за плохие тревожные мысли. Нашла, чего бояться и в ком сомневаться. Это же Родя!

Так, уговаривая себя, Арина выудила со дна сумки телефон, кликнула номер мужа. Родион ответил не сразу, пришлось слушать несколько длинных гудков.

Ох, уж эти гудки в ожидании ответа... Как петлей горло затягивают. Ну откуда, откуда взялась такая тревожность? Довольно странные капризы беременного организма. Когда Ваську носила, ничего подобного не было. Наоборот, радость наружу так и перла, и улыбка с лица не сходила. Арина тут... Наверное, девочка будет, если все по-другому!

– Да, Арин... Слушаю...

– Ой, Родя! Ты почему долго не отвечал?

– Не слышал.

– А, понятно... Я уже волноваться начала...

– Чего тебе? Говори, у меня сейчас батарея сядет.

– А?.. А ты где сейчас, Родя?

– С работы вышел, домой иду. Пешком. Машина в ремонте, ты же знаешь. Да и где мне еще быть?

– Значит, скоро придешь. Очень хорошо. Я тебя жду! Очень жду!

– погоди... Я что-то пропустил, да? Уж больно у тебя голос торжественный.

– Да нормальный у меня голос.

– Понятно... Опять праздник придумала? Сто лет фонарному столбу, под которым первый раз целовались?

– Родь...

– Ладно, извини. Устал сегодня, как собака. Скоро приду, не трезвонь.

Все, отключился. Но тревога меньше не стала, наоборот, легонько дала под дых. Голос у мужа показался раздраженным... И ощущение такое, будто не с любимой женой разговаривает, а с чужой женщиной.

Говорят, нельзя полагаться на ощущения, а надо полагаться на здравый рассудок. А что мы имеем со стороны здравого рассудка? Да кучу всего самого замечательного имеем! Счастливую долгую любовь – это раз. Счастливый и долгий брак – это два. Сына двадцатилетнего Ваську, умницу и красавца – это три. Мало, что ли? Мало? А если мало – еще и

сюрприз добавим. И вообще... Нельзя требовать от человека, чтобы он всю жизнь одинаковым оставался. Человек меняется с возрастом. Не может он быть в тридцать восемь таким же, каким был в восемнадцать.

Тридцать восемь – страшно сказать... Неужели ей и Роде по тридцать восемь лет? Двадцать лет жизни вместе – как один день, взявшись за руки...

В школе у них смешное прозвище было – Арина Родионовна. Родя сердился, а Арина смеялась, говорила ему: да они же просто завидуют... особенно девчонки. Я ж самого красивого парня в классе отхватила!

Да, все считали, что они красивая пара. И что похожи, как брат и сестра. И что рановато еще играть в серьезные отношения, всему свое время, мол. И рановато, и опасно.

А им было смешно. Кто знает, когда рано, а когда поздно? Если они жить друг без друга не могут... Ни одной минуты... Просто не могут, и все! Единое целое они! Одна суть! Арина Родионовна, сами ж прозвище придумали! Тем более у этой сути еще одна суть в перспективе пряталась, как выяснилось весной, перед выпускными экзаменами. Тоже большое счастье. И никакого испуга – ни-ни! Только вместе! Теперь уже – троим!

Родителям про «перспективу» решили до поры до времени не говорить. Зачем? Они ж все равно не поймут... А когда были получены аттестаты и отгремел школьный выпускной бал, вся правда выползла наружу.

Мама в тот день, помнится, глянула на нее с явным подозрением.

– Арин, ты почему такая бледная? Все утро в туалете провела – отравилась, что ли? Почему тебя рвало все утро?

– Мам... Ты только не пугайся, ладно? Мы с Родионом решили пожениться. Мне ж осенью восемнадцать исполнится. Успеем до Нового года.

– Погоди, погоди... Я не поняла... – испуганно потрясла головой мама. – Что значит – пожениться? А институт? Ты что, учиться не собираешься? И при чем тут Новый год, я не поняла?

– Как это – при чем? Я рожу к Новому году.

– Что? Что ты сделаешь к Новому году?

– Рожу... Мальчика или девочку...

– Что?! Я не ослышалась, Арина?

– Мам... Мам...

Конечно, у мамы был шок. Мама была против всего. Против Родиона, против женитьбы, против ребенка. Тем более в этот момент мама переживала личную драму – папа ушел к другой женщине. А тут еще и дочка подарок преподнесла... Понять можно, что ж. Истерику можно понять, нервный срыв, безжалостно выставленный в сторону дочери указательный палец. И безжалостные слова, сопровождающие этот указательный палец:

– Я знать этого не желаю! Я не хочу... Я не могу, в конце концов! Мне этого просто не вынести!

– Мам, но уже все случилось. У меня будет ребенок. А у тебя – внук или внучка.

– Да что ты? Правда, что ли? Мне надо припасть к твоему плечу и разрыдаться от счастья, да?

– Нет, но...

– Ты что, совсем ничего не понимаешь? Все сама решила, да? Ты у меня такая самостоятельная, такая умница, да? И мое будущее тоже по своему разумению обозначила?

– Почему же твое?.. При чем тут твое будущее?..

– А как по-другому? Ты ведь хочешь сказать, чтобы я уволилась с работы и сидела с ребенком?

– Да почему?.. Я сама буду с ним сидеть. И Родион тоже.

– Ах, Родион! Значит, и он в нашей квартире намерен поселиться! А к себе домой он тебя не приглашает, нет?

– Они с мамой в однушке живут... И с бабушкой...

– И что? Вы же о чем-то думали, прежде чем... Или ни о чем не думали? А может, Родион с мамой наперед все запланировали, пытаясь таким образом решить свой жилищный вопрос? Может, нам всю семью Родиона здесь поселить, а? Вместе с мамой и бабушкой?

– Ну зачем ты так? Его мама еще и не знает ничего... Мы решили позже сказать, чтоб не травмировать...

– Ага. Его мама не знает, потому что ее нельзя травмировать. А мне можно кулаком под дых! Понятно... Я ж таковая была... В общем, так, дочь, слушай меня внимательно: не надо мне твоего Родиона, и мамы его не надо. Ни под ка-

ким видом. Слишком много всего и сразу, мне не по силам! Я еще от одного удара не оправилась, а ты... Ты такая же, как твой отец... С ножом из-за спины...

– Да я все понимаю, мам... Прости... Хорошо, мы к бабушке уйдем жить.

– А! Понятно! К бабушке! Это ты правильно все решила, да! И это будет еще одно предательство, конечно! Моя дорогая свекровушка вас обязательно приютит, конечно же! Главное, чтобы мне в пику! Она добрая и сердечная, а я тварь бездушная, плохая мать и жена. Давайте, предавайте меня все. Предательства мало не бывает. Предавайте!

Она тогда на маму не обиделась. Знала, как она любила отца. И вовсе не мама говорила эти слова, а оскорбленная в ней женщина. Когда женщина переживает сильное унижение, строго с нее спрашивать нельзя. И судить нельзя. Тем более мама потом успокоилась и смирилась. Ну или почти смирилась. Родиона она до сих пор недолюбливает. Правда, скрывает это...

У бабушки была двушка-распашонка в спальном районе. Арине с Родионом досталась маленькая комнатка с окном во двор – десять квадратных метров счастья. Да им большего и не надо было. Засыпали вдвоем, просыпались вдвоем. Бабушка часто гостила в деревне у сестры, а когда бывала дома, поднималась рано и сразу вставала к плите, и они просыпались от запаха бабушкиных оладушек. Родион с удовольствием тянул носом, а Арина в этом удовольствии Родиону

была не помощница – ее желудок от запаха тут же сводило судорогой. Бабушка лишь посмеивалась, выглядывая из кухни, кричала в спину внучке, пока та неслась в ванную:

– Терпи, Аришка, терпи! Захотела замуж – терпи! Сытный завтрак для молодого мужа важнее токсикоза!

Арина и не спорила – конечно, важнее. Тем более с работой у Родиона все никак не устраивалось. Кому нужен вчерашний школьник? Но он каждое утро уходил из дома, искал, бегал по объявлениям... В конце концов устроился грузчиком в мебельный магазин. Деньги небольшие, но на необходимые потребности хватало. Тем более что такое – эти «необходимые потребности»? Понятие весьма относительное – на фоне безумного счастья-то.

Бабушка их поддерживала, как могла. Она вообще такая была – веселая оптимистка. И немножко хулиганка. И так же весело хулигански воевала с трудной безденежной жизнью, относилась к ней не очень серьезно. На любую трудность у нее был в запасе всегда один и тот же ответ, сопровождаемый гордо плавным движением ладони: «...передайте Ильичу, нам и это по плечу». Откуда она взяла эту дурацкую фразу, одному богу известно! Наверное, из какого-то бородатого анекдота трудных советских времен.

Иногда Арине казалось, что жизнь в бабушкином доме напоминает игру под названием «как из ничего сделать что-то». Да, это и впрямь была увлекательная игра. Искренний неподдельный азарт – взять трудную жизнь «на слабо».

Идешь, например, в магазин, а денег у тебя в кошельке кот наплакал. И начинаешь соображать, что бы такое изобрести – недорогое, но вкусное. И вот ведь какой парадокс получается, когда поневоле включаешь творческий подход вместо унылой безнадеги! Такая фантазия взбредет в голову, что диву даешься. Не зря же говорят, что суп из топора самый вкусный! А какие у бабушки получались пироги с капустой!.. А борщ, в котором нет мяса, но будто бы и не надо! А картофельные драники – это же отдельная песня с припевом!

Пеленки из старых пододеяльников бабушка сшила такие, что залюбуешься. Распашонки, чепчики с кружевами – как произведение искусства. И так во всем... Бабушка весело играла безденежьем, превращая его в инструмент, в лукавые шарики в руках жонглера – всего лишь. Не делала акцента на безнадеге. Наверное, она была сильным человеком. Сильным, смелым и талантливым. И немного легкомысленным, как ее сын... Аринин отец. А кто сказал, что мыслить легко – это плохо?

Он заходил к ним иногда, очень редко. И сразу, в первый приход, честно предупредил, чтобы они на его помощь не рассчитывали. Сказал, что и сам чувствует себя, как восторженный молодожен... У его второй жены ребенок подрастает, его тоже кормить нужно было.

Мама к бабушке не приходила. У нее и без того со свекровью были натянутые отношения, а после развода совсем испортились. Хотя Арина не понимала, хоть убей, их претен-

зий друг к другу. Но были, были претензии. Бабушкин веселый настрой к жизни сразу куда-то исчезал, когда речь заходила о маме. Губы поджимались обиженной скобкой, выражение лица становилось отстраненным: не слышу, мол, и слышать ничего не хочу о твоей матери.

Так и жили. Арина ходила к маме сначала одна, потом с маленьким Васькой. Мама не желала видеть у себя Родиона, бабушка не желала видеть в гостях бывшую невестку. Арина приносила домой мамины покупки для внука – бабушка равнодушно откладывала их в сторону. Мама давала деньги, Арина брала... Но когда говорила об этом Родиону, лицо его становилось примерно таким, как у бабушки: слышать, мол, ничего не хочу. Твоя мама денег дала, сама с ними и разбейся. Я тоже гордый. Не хотят меня, и не надо.

А мама Родиона, Галина Петровна, вообще поставила вопрос ребром: не ждите, мол, от меня никакой помощи. Принципиально. Так и говорила сыну – какой толк в тебя вкладываться, если все равно разведешься? Родион ей хамил в ответ, конечно... Хотя он мягкий по натуре человек и к маме был привязан вполне искренне. Просто для него стала большой неожиданностью такая перемена в матери после его женитьбы.

Но по большому счету ему и некогда было вникать во все подробности отношений, потому что работал много. Где придется, там и работал. Времена тогда были трудные, середина девяностых. Тут вам и денежная реформа с либера-

лизацией цен, и деноминация с экономическим кризисом... Денег в кармане – кот наплакал.

В те времена бабушкин оптимизм и веселая игра в жизнь-выживание пришлись как нельзя кстати. На упорстве Родиона да на бабушкином оптимизме и держались.

Когда Ваське исполнился год, бабушка настояла на том, чтобы Арина поступила в институт, на вечернее отделение. Так и постановила: хватит, мол, дорогие мои, дурака валять, это еще слава богу, что высшее образование в стране никто не отменил. Сначала, мол, Аришка выучится, потом Родя. Пока я в силах и с внуком могу помочь.

Когда Арина объявила маме, что поступила в институт, та хмыкнула, повела плечом, глянула скептически. Потом проговорила тихо:

– Да уж... Свекровушка в своем репертуаре, конечно. Без высшего образования ты и не человек и даже не женщина. А специальность тоже она тебе посоветовала – бухучет? Сама всю жизнь бухгалтером была, и тебя туда же? Хоть бы чего поинтереснее выбрала.

– Мам, ну при чем здесь бабушка? Ты ведь тоже хотела, чтобы я в институт после школы поступила.

– Да, я хотела. Но я хотела другого. Я хотела, чтобы у тебя была нормальная студенческая жизнь, а не так, через усталость и сбоку-наскоку. Профукала свою счастливую юность и радуешься, дурочка. А твой Родион что? Тоже учиться пойдет?

– Да, но позже.

– Бабушка так решила?

– Мам, ну хватит!

– Господи, да мне-то что! Живи, как знаешь. Ты ж свою жизнь самостоятельно определила, я нынче для тебя не авторитет. Вот бабушка с отцом. Они для тебя важнее, да. Кстати, как он? Ты его видишь?

– Да, он заходит, но редко.

– А, ну что ж... Понятно... – За саркастической усмешкой мама все равно не могла скрыть обиды и слез. – Понятно, ему сейчас не до тебя. У него жена молодая, ребенок новенький. На свою дочь ему наплевать, он чужого ребенка воспитывает.

– Меня уже не надо воспитывать, мам.

– Что ты к словам придираешься? Я ж не о тебе. Все только о себе думают, обо мне никто и не вспоминает, как будто меня вообще нет. Была жена, была мать, а теперь я никто. Никому нет дела, как я переживаю, что я чувствую.

– Мам...

– Да ладно... Молчи лучше. – Мама вяло махнула рукой, села на стул, опустила вниз полные покатые плечи. Помолчав, проговорила тихо, с тоской: – Ты знаешь, как я его любила, Ариш. Как любила!.. Да я и сейчас его люблю. Никогда не могу снова начать жить, представляешь? Моя жизнь – сплошные слезы. Депрессия замучила, сил нет. Ты прости меня, ладно? Наверное, я ужасная мать.

– Что ты, мамочка. Я же все понимаю.

– Нет, ты не можешь понять. И не дай тебе бог такого понимания.

Со временем, конечно, и депрессия отступила, и мамина одинокая жизнь как-то наладилась, вошла в колею. Потом мама даже смеялась со злорадным удовольствием, когда узнавала про последующие браки отца. Про третий брак, четвертый... Чем дальше, тем громче смеялась. Но слышалось в ее смехе что-то истерическое.

Бабушка умерла в то лето, когда Арина перешла на пятый курс. Тихо умерла, во сне, никого не потревожив. Говорят, будто такая смерть дается безгрешным людям. Наверное, оно так и есть, а только все равно было ужасно жалко бабушку. Растерялись они с Родей, почувствовали себя сиротами. Все-таки на бабушке многое в доме держалось.

И опять любовь их спасла. Любовь-ответственность друг за друга и за маленького Ваську. Территория их любви оставалась чистой и незамутненной желаниями и претензиями, которые проникают в любой, даже самый благополучный дом извне, как уличная грязь на подошвах обуви. Наверное, это высшая точка счастья, когда живешь внутри безусловной взаимной любви, словно в теплом коконе, когда мчишься вечером после занятий домой, как безумная, не замечая своего старого пальтеца и растоптанных сапог, и думаешь об одном: скорей бы. И счастлива предвкушением – у меня это есть, есть!

Хотя последний курс, преддипломный, ей тяжело дался, надо признать. Родион после работы поздно возвращался, Ваську не с кем было оставить. Хорошо, подруга школьная выручала, Ольга Верещагина. Собственно, в школе они и не были такими уж близкими подругами. В школе у нее Родя был – и друг, и подруга. А Ольга – так, серая мышка из группы поддержки.

По-настоящему они подружились после школы, когда встретились в супермаркете в том районе, где жила бабушка. Арина Ольгу сразу и не узнала – так она изменилась. Была серая мышка – стала уверенная в себе молодая леди в стильных очках и дорогом пальто. И похудела... И ростом выше стала, как показалось...

Обрадовались друг другу, обнялись, раскудахтались. Выяснилось, что Ольга живет недалеко – квартиру снимает. Ушла от родителей в самостоятельную жизнь. Как объяснила она сама – сейчас все так делают. Надо быть в тренде, надо строить свою жизнь так, как принято. Институт престижный за плечами иметь. В потенциале – высокооплачиваемую работу. И строить серьезные планы на жизнь. А замужество – это, Ариша, потом. Это как составляющая серьезного плана, не более того. Что ты, какая любовь... Замужество и любовь – вещи практически несовместимые. Или одно, или другое. А что поделаешь – надо быть в тренде, Ариш. Жизнь требует.

Обе торопились куда-то, но номерами телефонов обмена-

лись. Ольга ей первая позвонила, сама в гости напросилась. Ну и пошло-поехало, завязалось в крепкий узелок. Бывают такие странные дружбы у женщин – вроде и характеры разные, как и установки жизненные, но стоит зацепиться языками на кухне... И ведь ни в чем друг с другом согласия не было! Не дружба, а всплеск эмоций!

– ...Не понимаю я, Арин, хоть убей... Не понимаю! Ты же в школе хорошо училась, ты могла все по-другому сделать. Оно тебе надо было – это скороспелое замужество? Зачем? Куда бы оно от тебя делось, что за спешка? Не понимаю.

– Да что тут понимать, Оль? Я люблю Родю, вот и все объяснение. И я счастлива и ни о чем не жалею.

– Но ведь жизнь – это не только муж, семья и кухня с борщом. Это более выпуклое понятие, Арин. И даже любовь, о которой ты с такой страстью толкуешь, тоже более выпуклое понятие. Любовь на кухне с борщом сильно отличается от любви в Парижском отеле, к примеру, с окнами на крыши Монмартра. Ты же не будешь отрицать, что прогулка с любимым по парку в нашем спальном районе сильно отличается от прогулки с тем же любимым по Елисейским Полям, где на каждом углу кафешки, шампанское, устрицы. Неужели ты никогда не мечтала ни о чем таком, а? Честно скажи?

– Не-а. Не мечтала. Мне и так хорошо.

– Да не ври.

– Чес-слово!

– Нет, я все-таки не понимаю... Наверное, я из другого

материала сделана. Для меня все равно сначала Париж, Мон-мартр и устрицы, а потом уже любовь. Да и вообще, фиг с ней, с любовью. Я давно уже поняла, что одно с другим совместить нельзя.

– То есть?.. Или Париж с устрицами, или любовь?

– Ну да.

– И ты выбираешь первое?

– Да, Арин, да! Твой Родя, к примеру, никогда на Париж и устрицы не заработает.

– Да мне и не надо, я ж тебе объясняю.

– Это ты сейчас объясняешь. А потом, лет через десять...

– И через десять тоже!

– Не зарекайся, не надо. Посмотрим.

– Конечно, посмотрим. Разве я против?

– Нет, подруга... чтобы я замуж вот так, как ты... Да никогда. Мне такого Родю в мужа не надо, если даже с ума сойду и влюблюсь. Я буду выходить замуж обстоятельно, как по бизнес-плану.

– То есть обязательно предусмотритишь устрицы и Париж?

– А как же. Но это не самое главное, конечно. Я все, что надо, предусмотрю. И дом с лужайкой, и здоровых детей, и положение в обществе.

– Значит, любовь все-таки исключаешь?

– Ну почему? Это уж как получится. Хотя, если с бизнес-планом не выйдет... Тогда придется довольствоваться любовью, что ж.

Наверное, по большому счету можно было на Ольгу обидеться, но Арине обижаться не хотелось. И спорить дальше не хотелось, тем более на кухню Родя зашел, чаю попросил. А Ольга обещала на завтрашний вечер с Васькой остаться.

Странно, сейчас-то зачем всплыл в памяти тот разговор на кухне? Столько лет прошло, Васька давно вырасти успел. Или подсознание напомнило? Но какая связь? Ох, уж эта Ольга со своими амбициями.

И кстати, об амбициях. Как бы там ни было, а ведь все у Ольги сложилось именно так – по ее жизненному бизнес-плану. И замуж вышла за человека состоятельного, и дом с лужайкой у нее есть, и дети здоровые и счастливые. Правда, муж ее, Алексей, всегда был молчалив и угрюм и в общении неуютен, если не сказать хуже... Но Ольга все равно выглядела счастливой. Да, и Париж ей был доступен легким щелчком пальцев, и устрицы. А дружба их продолжалась, как ни странно. Крепла с годами. Казалось бы, где Ольга и где они с Родей? Но, видимо, и такое бывает, как счастливое исключение из правил. Даже угрюмый Алексей к ним привык и смирился с частым присутствиям в доме. Ольга любила домашние праздники, любила зазывать в гости.

Хлопнула дверь в прихожей – Родя пришел. Арина выглянула из кухни, улыбнулась:

– Привет... Сейчас ужинать будем.

– Чем у нас так воняет, Арин? Даже на лестничной площадке слышно. Такая жара на улице, я весь мокрый. Устал...

еще и воняет...

— А это я, Родя... Я...

Родион не дождался объяснений, сразу прошел в ванную. Было слышно, как вскоре забарабанили по стенам душевой кабины упругие струи воды.

Не в настроении, значит, подумала Арина, наверное, зря она этот ужин затеяла. Ведь было, было предчувствие, что не надо сегодня...

И тут же одернула себя: да что такое! Какая разница — сегодня или завтра... И нет никаких поводов для тревоги! Откуда им быть? Подумаешь, устал человек на работе! И вообще, все у них отлично в семье и всегда было так. И будет. И как не стыдно сомневаться в муже! Это любимый муж! Родя! А она — любимая жена! Забыла? Забыла?

Нет, не забыла. Но черт ее побери, эту странную, недавно поселившуюся в душе тревогу. А может, и впрямь что-то шло не так, а она не замечала? Но что? Может, Родиона раздражает, что ее опять продвинули по службе? Что зарплата больше, чем у него? Так она давно больше зарабатывает... И все уже привыкли к этому обстоятельству, как ей казалось.

Хотя свекровь, помнится, недавно бросила такую фразу: бедный, мол, Родя, в жертву себя принес. Жену выучил, а сам без диплома остался. Арина проглотила, конечно, смолчала вежливо. Ей ведь не объяснишь, как она уговаривала мужа учиться! Но он сам не захотел. Ни в какую! Упорно стоял на своем — не хочу, не буду! Пять лет из жизни вычер-

кивать – да ни за что!

Хотя ее мама по-другому истолковала такое упорство:

– А что ты от него хочешь, Ариш?.. Уж честно бы заменил свое «не хочу» на «не могу», и голову бы не морочил. Ты вспомни, он и в школе был двоечником. Ты вышла замуж за двоечника, раскрой глаза, наконец. Эта малогабаритная двушка в спальном районе – все, что тебе светит в жизни. И то – бабушке спасибо скажи.

Арина тогда с мамой спорила, конечно. Защищала Родю. Защищала свою семью. Потом тема учебы сама собой сошла на нет. А жизнь покатила дальше – клубком безусловно-го счастья. И ничего ей не надо было... И в малогабаритной двушке прекрасно жилось, и Васька подрастал, здоров был и смышлен не по годам. Что еще нужно, господи? Может, свеженького ребеночка? Жаль, долго не получалось... Но теперь-то!.. На тебе свеженького, радуйся! И мужа обрадуй, пора, пора... Вот он, уже нарисовался в дверном проеме. В халате. Лица не видно – полотенце свисает вдоль щек. Поднял руку, поелозил полотенцем по макушке, сбросил на плечо. Тряхнул головой, отгоняя мокрые пряди.

– Чего ты? – Поймал он взгляд Арины, удивленно подняв брови. – Чего так смотришь?

– Ничего... Просто ты очень красивый. А с годами все лучше становишься. Все-таки несправедливо природа устроила женскую и мужскую зрелость, правда? У меня морщинки на лице вылезли, а тебя хоть в кино снимай.

– Так я не понял... Это что сейчас было? Комплимент в мою сторону или недовольство?

– Да комплимент, комплимент.

– А чем у нас все-таки пахнет, а? Чем-то таким... Отвратительным...

– Это подсолнечное масло, я хлеб с чесноком жарила.

– Не понял... Какой хлеб?

– Черный... С чесноком...

– Зачем жарить хлеб да еще и с чесноком?!

– Ну как же, Родя... Ты забыл, наверное! Конечно, забыл...

– Что я забыл?

– Ну помнишь тот вечер?.. У нас тогда ничего не было, и денег совсем не было... Ты пришел домой весь в отчаянии, а я... То есть мы вдвоем... Мы жарили черный хлеб с чесноком на жутком подсолнечном масле... Помнишь?

– Ну, помню... И что? Сегодня у нас вечер плохих воспоминаний? Вообще-то я голодный. Я с работы пришел и рассчитываю на нормальный ужин.

– Родь, ты чего?.. Я ж хотела...

– Чего ты хотела? Чтобы я сел за стол, прослезился от умиления и начал жевать корочку хлеба? Что ты выдумываешь все время, а? Ну ладно, раньше... А сейчас! В детство впадаешь, что ли? Так рановато вроде!

– Родь... что с тобой?..

– Да ничего! Просто надоело, Арин, правда! Ну нельзя

так жить, пойми, наконец. Что умилительно в сопливой девочке, то смешно в зрелой женщине. Ну какой хлеб с чесноком, какие воспоминания? Сама подумай! Нельзя же все время нырять в прошлое, это смешно и глупо выглядит, поверь мне.

– Смешно? Глупо? Наше прошлое – это смешно и глупо, по-твоему? И наша с тобой любовь – тоже смешно и глупо?

– Ну, пошло-поехало... – с раздражением воздел он руки к затылку. – Чуть что – сразу любовь. У нас же великая любовь, я же забыл! Просто неземная любовь! У нас же ничего больше нет, кроме любви! Мы едим черный хлеб с чесноком, пучим друг на друга глаза и мычим французскую мелодию из этого старого придурочного кино... Как его... Забыл, черт!

– «Шербургские зонтики». В тот вечер мы слушали пластинку с той самой мелодией, Родя. Значит, все-таки помнишь. У нас была большая такая пластинка – оркестр Поля Мориа исполняет музыку Мишеля Леграна...

– А, ну да, конечно. Нет, а чего ты сейчас-то оплошала, интересно? Где? Где знакомые мелодии? Почему не звучат? Надо же их присобачить к воспоминаниям! Давай! Я требую музыку нашей любви!

Арина стояла спиной к окну, ухватившись сзади за подоконник. Так сильно ухватилась, что онемели пальцы. Кажется, они совсем чужие... И рука чужая. И плечо. И ноги, вдруг задрожавшие в коленях.

Нет, обиды почему-то не было. Были испуг и удивление,

приправленные подступающей тошнотой. В конце концов, она на этом и сосредоточилась – чтобы отодрать онемевшие пальцы от подоконника и шагнуть в сторону двери. Да, молодец, правильно... И рот зажать рукой... До ванной совсем немного осталось!

– Куда ты? – слышался за спиной голос мужа, то ли по-прежнему раздраженный, то ли уже испуганный. – Тебе плохо, что ли? Я ж говорю – отвратный запах...

Желудок долго исходил тягучими спазмами, словно испуг и удивление были теми самыми чужеродными субстанциями, которые он хотел исторгнуть. Наконец, плеснув в лицо холодной водой, Арина села на край ванны, отерла мокрые щеки дрожащими руками.

Господи, что это было? Это что, у них с мужем сейчас такой хамоватый разговор был? С Родей? С любимым?! Не может быть...

– Эй, Арин... С тобой все в порядке?

Арина вздрогнула от легкого стука в дверь.

– Да нормально... Я сейчас... – проговорила она тихо и не узнала своего голоса.

Выходить было страшно. По спине все еще шел холодок от снов Роди и от его взгляда.

У Роди были другие глаза. Чужие. Но ведь так не бывает, чтобы выражение глаз поменялось в один момент? Или бывает?

А может, не заходить на кухню вообще, сразу шмыгнуть

в постель, сказать себя больной? Лечь, отвернувшись к стене, перетерпеть, перемолчать... А завтра все само собой устроится, и никто из них не вспомнит о черном жареном хлебе...

Но, черт возьми, что такого страшного она сделала? Откуда взялись раздражение и холод в глазах любимого мужа? Надо выяснить, надо поговорить откровенно. Никогда они камней за пазухой не держали, чтобы кидать их друг в друга... Тем более она же ему главного не сказала! Из-за чего затеяла весь сыр-бор!

Арина поднялась с бортика ванны, оправила на бедрах юбку, глянула на себя в зеркало. Бледная, как смерть. Ну и ладно.

Арина вскинула вверх подбородок, лихо сдула упавшую на лоб тонкую прядь, даже попыталась улыбнуться. Нет, улыбка не получилась...

Родион жарил яичницу с колбасой. Когда она шагнула в кухонный проем, муж глянул на нее настороженно, мотнул головой в сторону сковородки:

– Будешь?

– Нет... Не хочу.

– А чего так? С хлебом-то с жареным вприкуску... Зря старалась, что ли? Не пропадать же добру! Вот садись и ешь свой хлебушек...

– Родь, я не понимаю... Откуда взялись издевательские нотки в голосе, а? Такое чувство, будто ты от них удовольствие получаешь! А мне, знаешь, как-то непривычно... Я не

умею в такой тональности разговаривать, тем более с тобой. Давай напрямую – у тебя, наверное, что-то случилось, да? Что-то из ряда вон?

– Почему ты так решила?

– Потому, что ты никогда со мной так не разговаривал.

Ни разу в жизни.

– Ну, всегда что-то бывает в первый раз.

– Прекрати хамить. И давай поговорим, наконец.

– Что ж, поговорим, если хочешь. Только я сначала поем, ладно? Ужин, конечно, не ахти, но уж какой есть. Хоть червячка заморить.

Он ловко выложил яичницу на тарелку, сел к столу, начал есть с аппетитом и немного торопливо. Ей даже показалось, с излишней демонстрацией аппетита и торопливости – глянь, мол, неумеха-жена, какой я голодный. Она пожала плечами, проговорила с тихой досадой:

– Между прочим в холодильнике борщ есть... И котлеты... Мог бы нормально поужинать, если уж такой голодный. Я ведь не ради еды этот жареный хлеб затеяла, а чтобы... Чтобы...

– Да ладно, не объясняя, Арин. Я ж все твои романтические затеи наперед знаю, чего там. А только, знаешь... И в самом деле – надоело. Вот надоело, и все! Нет, как тебе самой-то не противно, а?

– Что мне должно быть противно, Родь?

– Ну черный хлеб этот, масло с запахом... Где ты его толь-

ко раздобыла, интересно... Не противно романтизировать всякую убогость из прошлого? Все нормальные люди забыть пытаются, а ты...

– Я не убогость романтизирую, Родь. Я хотела тебе напомнить, как мы боролись с трудностями. Если бы мы не любили друг друга так сильно... И особенно в тот злополучный день... Ты вспомни, как мы были счастливы в тот день, когда ели этот хлеб!

– Не знаю. Может, и счастливы. А что нам оставалось делать, как не быть счастливыми? И вообще... Тебе никогда не приходило в голову, что я, может, ужасно комплексовал тогда... Когда заставил тебя, беременную, есть этот черный хлеб... Оттого что заработать не смог... Не приходило в голову, нет?

– Нет... Не приходило... Я не думала об этом. Да я и предположить не могла.

– Вот видишь!

– Но ты бы сказал, Родь... Объяснил как-то... А ты раздражаться начал. Я испугалась. И глаза у тебя были чужие и злые. Мне даже в какой-то момент показалось, что ты меня разлюбил.

Она замолчала, глядя на мужа с надеждой. Бросила мостик-провокацию через обрыв, мысленно протянула руки – ну же... Ты должен шагнуть на этот мостик по всем канонам и правилам, должен! И опровергнуть сомнения должен, и сказать банальные, в общем, но такие необходимые сло-

ва, которые я от тебя жду и которые являются фактическим приложением к немудреной провокации – бог с тобой, дорогая жена, что ты всякую чушь несешь, как я могу тебя разлюбить.

Родион молчал – сосредоточенно поддевал на вилку скользкий недожаренный яичный белок, и ничего не получалось.

Арина тоже молчала. Вдруг поймала себя на том, что ничего не чувствует, лишь взглядом помогает мужу справиться с ускользающим комочком яичного белка на тарелке, будто наблюдает со стороны, как ее мостик летит вниз, на дно обрыва.

Наконец, Родион решительно отодвинул от себя тарелку, отер губы салфеткой, глянул Арине в глаза холодно и так же холодно произнес:

– А если я и впрямь разлюбил, Арин? Или ты такой вариант в принципе не допускаешь?

Она вяло пожала плечами, подняла брови, улыбнулась испуганно. И ответила почти автоматически:

– Да, я не допускаю... Такого не может быть, что ты... Просто не может быть...

– Да отчего же, Арина? Отчего ты так думаешь? Только, умоляю тебя, не говори сейчас о вечной любви, не надо! А то знаю я твой привычный репертуарчик. Погоди, как там? Дай-ка, я вспомню... Вечная любовь, верны мы были ей, но время зло для памяти моей... – пропел он смешливо, подняв глаза

к потолку. Глянул на Арину коротко и продолжил, надавав еще трагической смешливости в голос: — ... чем больше дней, тем глубже рана в ней...

— Не надо, Родь... Прекрати.

— Почему? Я смеюсь над святым, да?

— Это не ты, Родь...

— Да я это, Арин, я! Очнись, пожалуйста, не впадай в транс! Все кругом изменчиво, и люди, и время. И я уже другой. А ты осталась там, на розовом облаке вечной любви! Не бывает вечной любви, Арин... Не бывает, не верь в эту сказку. И отнесись, пожалуйста, здраво и благоразумно к тому, что я тебе сейчас скажу. Я полюбил другую женщину и ухожу к ней.

— Нет! Нет... погоди... Ты не можешь... Ты же еще не знаешь... Я беременна, Родь!

— Ты это сейчас придумала, да?

— Я не придумала... Это правда...

— Правда, неправда... Что это меняет? Не мне же тебя учить, что надо делать со случайной беременностью. Не хочешь же ты мне сказать, что...

— Да, я хотела этого ребенка. Я и сейчас его хочу...

— Ну, сейчас... Я понимаю, что сейчас ты в шоке. Завтра все будет по-другому, поверь мне. Все наладится, Арин. Нам обоим пора начать новую жизнь... И спасибо тебе за все, конечно. Пойду я, ладно?

Вставая из-за стола, он улыбнулся, проговорил задумчи-

во, глядя на нее:

– Надо же, как все получилось... А я не знал, как и подступить к этому разговору. Я самое необходимое сейчас возьму, ладно? А вещи мои сама собери, пожалуйста... Я потом заберу...

Он поднял плечи, попятился вон из кухни, глядя на Арину настороженно. Ждал, наверное, что она бросится за ним вслед. Она бы и бросилась, если бы силы были. Но Арина ощутила лишь страшное удивление. Сердце колотилось толчками: не может быть, не может быть...

Через какое-то время Родион, уже одетый, с большой спортивной сумкой в руках, заглянул на кухню:

– Я пошел, Арин... Ключи не беру, они в прихожей, на тумбочке. Да, вот еще что... Ваське я сам скажу, ладно? Прямо сегодня и скажу. И не смотри на меня так, ничего страшного не случилось! Вставай, живи дальше... Посуду вон помой... Пока! Счастья тебе...

И торопливо отступил в прихожую. Так торопливо, будто боялся, что вслед ему полетят чашка и тарелка – те самые, которые он оставил на столе после ужина. Те самые, которые Арина должна была помыть, следуя его совету «жить дальше».

Хлопнула входная дверь, Арина запоздало вздрогнула. И только в эту секунду поняла, что случилось. Разумом поняла, но сердце продолжало биться часто и сильно, сопротивляясь горькому пониманию – нет, нет, нет! Этого просто не может

быть.

* * *

Она не помнила, сколько так просидела на кухонном стуле, глядя в заплывающее сумерками окно. Долго, наверное. Очнулась от боли в затылке – спина оставалась напряженной, словно каменная. Словно тело готовилось в любую минуту скользнуть со стула и ринуться в прихожую на зов дверного звонка... И открыть дверь вернувшемуся Родиону. И увидеть его виноватую улыбку. И услышать объяснение случившемуся, любое, пусть даже самое нелепое.

Звонка не было.

Тишина в квартире была монотонной, изматывающей. Тишина хуже ожидания.

Как он сказал? Вставай, живи дальше? Посуду на кухне помой?

Да, все правильно. Нужно встать, помыть посуду. А потом что? Как, как дальше жить? Если она не может без него... Если любит. Если всегда будет любить.

Вечная любовь, верны мы были ей. Но время зло для памяти моей. Чем больше дней – глубже рана в ней.

Еще и дня не прошло – да что там, и часа не прошло! – а рана уже глубокая. Глубже некуда. Господи, за что? Почему?

Вместо дверного звонка тоненько задребезжал ее мобильник – в сумке. А вдруг это Родя звонит?

Скользнуть со стула не получилось, ноги затекли. Бегом в прихожую тоже не получилось. И вообще, какая-то потеря ориентации произошла на собственной обжитой территории – Арина шибанула плечом дверной косяк, бедром ударилась об острый угол тумбочки...

А телефон все звонил. Давай, давай, я сейчас... Еще немного, и я до тебя доберусь... Я сейчас, Родя...

Пальцы не слушались. Дрожали. Сколько барахла лишнего в сумке, надо все выбросить!

Арина увидела имя, высветившееся на экране дисплея, разозлилась. Да чтоб тебя, Ольга... В другое время позвонить нельзя? Именно сейчас надо, сию минуту? Хотя – какая разница...

Нажала на кнопку включения, прошелестела невнятно:

– Да, Оль...

– Привет, Ариш! Я на минуту! Дел много! – весело затараторила в трубку подруга, любимая и единственная. – Я просто напомнить, чтобы вы с Родькой не забыли про субботу! Мы вас ждем часам к пяти, форма одежды парадная! Только не пугайся, шучу... Ты же знаешь, у меня в доме полная демократия насчет одежды. Тем более это мой день рождения. Эй, ты меня слышишь? Чего молчишь?

– Слышу, Оль.

– А чего голос такой? Я тебя разбудила, что ли?

– Нет... Я не сплю... А может, и сплю, не знаю. Плохо мне как-то... Совсем плохо...

Арина и сама не узнавала своего голоса.

– Арин... Что с тобой? Говори! Не молчи. Что случилось? – бушевал в трубке растревоженный Ольгин голос.

– Ничего не случилось, Оль... Просто Родя ушел.

– Куда ушел?

– Сказал, к другой женщине. А я сижу и ничего не понимаю. Как так?.. А еще он сказал, чтобы я жила дальше. И чтобы посуду помыла.

– О господи... – тихо выдохнула Ольга и замолчала. Но молчала совсем недолго, тут же переспросила тихо: – Ты сейчас дома?

– Дома, конечно. В прихожей стою.

– Хорошо. Я сейчас приеду. Я быстро. Жди меня, никуда не уходи.

– Из прихожей не уходить?

– О, господи... Ты, мать, и впрямь больная, не соображаешь ничего. Вот беда так беда. Для тебя, по крайней мере... Ладно, иди на кухню, чайник включи. Хотя не надо чайник... Ничего не трогай, не хватало еще, чтобы ты кипятком ошпарилась. Просто сиди и жди, поняла?

– Да, Оль...

– Вот и умница. Я быстро приеду! Я уже к машине иду! Жди!

После Ольгиного звонка Арине стало немного легче. По крайней мере, квартирное пространство снова раздвинулось до привычных размеров, она смогла без ушибов дойти до

кухни. И снова сесть на стул. И ждать. Ожидание – уже какое-то действие, за которое можно зацепиться сознанием.

Вновь подал голос телефон, зажатый в ладони, и Арина вздрогнула, как от сильного испуга, чуть не уронив его на пол. И снова диафрагму свело судорогой – Родя...

Нет, не Родя. Сынок звонил. Васенька.

– Мам... Ты как? Мне приехать? Я прямо сейчас могу.

Голос жалостливый, непривычно сюсюкающий. Значит, Родя ему позвонил... А сынок, значит, моментально проникся сочувствием.

– Чего ты молчишь, мам? Не плачь.

– Я не плачу, сынок.

– Ну, вот и не плачь... Ты у меня самая красивая и самая умная, слышишь? Я сейчас приеду, и мы поговорим, ладно? Ты мне скажи только... Женьку с собой брать? Или лучше одному приехать? Вообще-то она тут, рядом...

Арина хотела спросить – какую еще Женку, да вовремя одумалась. Ну да, конечно... Женька, то есть Женя... Но зачем ей сейчас Женя? Хорошая девушка у сына, но... она – чужой человек. Нет, не надо Женю...

– Извини, сынок, но мне сейчас Ольга звонила... Она ко мне едет. Чего тебе с нами, бабские разговоры слушать?.. Давай с тобой завтра, ладно?

– Как скажешь, мам. А тетя Оля – это хорошо, это как раз то, что сейчас нужно. Она тебе лучше мозги вправит, чем я. А мы с Женькой утром к тебе подскочим, ага? Купить что-

нибудь?

– Нет, ничего не надо.

– А как ты вообще?

– Нормально, сынок, нормально...

– Тогда до завтра. Но я позже еще позвоню.

– Звони. Женечке привет передай.

– Передам.

Ольга ворвалась в прихожую, бросилась к ней с крепким объятием, но в следующую секунду выпустила из рук, заговорила громко и сердито:

– Все, Арина! Никаких слез, никакой бабьей паники, договорились?

– Да нет у меня никаких слез...

– Вот и хорошо. И правильно. А то я боялась... Знаешь, с какой скоростью по улице мчалась? А ты, смотрю, молодец... Кофе мне можешь сделать?

– Могу.

– Ага. Тогда дуй на кухню, вари кофе, я сейчас... Так испугалась, когда твой голос по телефону услышала, чуть не описалась, как собачонка!

Ольга засемила по коридору и сначала скрылась в туалете, потом зашла в ванную. После встала в кухонном проеме, уперев ладони в косяки, глянула исподлобья:

– Нет, почему такая тишина в квартире, а? Надо все, все включить!.. Телевизор на кухне, в комнате, и громко, и чтоб разные каналы... И музыку! И окна открыть настежь! Пусть

еще с улицы шум идет!

– Зачем, Оль? – спросила Арина. Она следила за кофе на плите и не отрывала взгляда от пенки, поднимавшейся в турке.

– Чтоб не оглохнуть... Нельзя тебе сейчас в тишине. Нужны отвлекающие раздражающие маневры, чем больше, тем лучше. Где пульт от телевизора?

– Вон, на подоконнике.

Ольга шагнула к окну, цепко ухватила за пульт и направила его к телевизору, как дуло пистолета. По всему было видно, что она полна решительности. Той самой решительности, какая бывает у женщин, когда они абсолютно растеряны и не знают, что предпринять в сложившейся ситуации и чем помочь любимой подруге.

Кухня тут же наполнилась визгливыми голосами популярного ток-шоу, и Арина невольно втянула голову в плечи, содрогнулась внутренне.

– Ничего, ничего... – проговорила у нее за спиной Ольга. – Так лучше... А это что, Арин?

– Где? – обернулась Арина от плиты.

Ольга, наклонившись к столу, рассматривала блюдо с кусочками жареного хлеба, на лице ее проступало слегка брезгливое недоумение.

– Что это, а? Еще и воняет...

Арина вдруг почувствовала внутри волну горечи. И эта туда же – с брезгливостью!

– А это, Оля, черный хлеб, жаренный с чесноком! – произнесла она с вызовом. – Изысканное, между прочим, блюдо! Ты не знала, да? Берешь кусок ржаного хлеба, натираешь его чесноком и обжариваешь в подсолнечном масле. Но вся фишка в том, чтобы масло было настоящее, нерафинированное, со специфическим запахом. Попробуй, это вкусно, Оля.

– Чего ты?.. Я же просто так спросила... – опешила Ольга. – А я думаю, откуда в квартире такой запах убойный. Значит, ты Родю решила этим шедевром удивить, да? – Она села за стол.

– Нет, я не удивить, я напомнить хотела, – поставив перед Ольгой чашку с кофе, Арина села напротив нее и вздохнула. – Я напомнить хотела, как мы... Много лет назад... У нас в тот вечер совсем ничего не было, ни копейки... Холодильник пустой. И мы этот хлеб ели... И так были счастливы... Оль, я неисправимый романтик, да? Восторженная идиотка? Ты тоже так считаешь?

– А еще кто так считает? Родя?

– Ну да. Я ему этот хлеб, а он... Он сказал, что ему надоело. И что уходит к другой женщине. Нет, ты мне объясни, я не понимаю! Я что, слепая? Я глухая, да? Я дура? Почему я считала, что у нас все замечательно? А наша любовь не кончится никогда. Ты же помнишь, как мы любили друг друга, Оль!

– Ты не дура, Арина. Ты очень умная, верная и добрая. Но ты... Как бы тебе объяснить... Ты иногда мне напоминаешь

глухаря на токовище. Глухарь же ничего вокруг себя не видит и не замечает, когда песню любви поет. Пусть хоть небо на землю свалится, ему все равно. Он счастливым внутренним чувством живет, поет и поет... И по фигу ему, что его глухарница, или как там ее... Ну в общем, баба его глухариная... Что она давно в другую сторону смотрит. Туда, где солнца больше, еда сытнее и гнездо красивше. Хотя раньше исправно ему подпевала, было дело.

– То есть?.. Ты хочешь сказать... что Родя мне просто... подпевал?

– А что ему оставалось делать? Ты понимаешь, твой Родя другой, совсем другой... Нет, он не плохой человек, не лицемер и не циник, но... Вот скажи, тебе нравится эта квартира? Тебя здесь все устраивает?

– Ну да... А что меня здесь может не устраивать?

– И твоя жизнь тебя устраивает, да?

– Ну да...

– И заработок? И достаток?

– Я хорошо зарабатываю, Оль. Нам всегда на все хватало, мы ни в чем не нуждались, все необходимое у нас было.

– Вот. Во-о-о-т... Ты сказала ключевые слова – все необходимое у нас было. И ты считаешь, что это венец жизненного успеха – чтобы необходимое было? Тебя такая жизнь устраивает – с присутствием необходимого и достаточного?

– Ну да.

– Что ж, тогда я открою тебе большую тайну: Родион нена-

видит такую жизнь.

– Какую – такую?

– Да вот такую! С присутствием необходимого и достаточного! Скучно ему в такой жизни. Тоскливо. Неуютно. Неужели ты сама этого никогда не замечала, Арин?

– Нет... Я вообще не понимаю, о чем ты.

– Да ладно! Не может быть, чтобы не понимала! Давай-ка, включи трезвый взгляд на жизнь, перестань быть глухарем! Вспомни хотя бы его реакцию, когда я вас впервые пригласила в наш с Алексеем новый загородный дом. Как он ходил тогда по комнатам, как трепетно трогал все руками. А как долго стоял у окна, глядел на зеленую лужайку! И как у него глаза горели – недоступностью и вожделением. И тоской...

– Я не помню этого, Оль. Правда, не помню.

– Ну да, где тебе. Ты ж по себе людей судишь. Если тебе хорошо в необходимом и достаточном, значит, и Роде тоже должно быть хорошо. А иначе и быть не может.

– Господи... неужели это правда, Оль? Неужели я ничего не видела, не замечала?

– Да, ты ничего не видела и ничего не замечала. Даже если бы я тебя носом в это наблюдение ткнула, ты бы не поверила, отмахнулась. Ты – это ты, Арин. И знаешь... может, я сейчас ужасную вещь скажу... Но я Родю в чем-то понимаю. Мы все в первую очередь люди, мы все хотим комфортной красивой жизни, а не только необходимого и достаточного... Ну, пусть не такой суперкомфортной и суперкрасивой... Но пусть в

ней присутствует нечто большее, чем это пресловутое необходимое и достаточное! Потому что сейчас все такие, Арин! И с этим ничего не поделаешь, в такое время живем!

– Времена всегда одинаковые, Оль... Это человек может идти за временем, а время за человеком – нет.

– Ну, не скажи... Да ты оглянись, оглянись вокруг, присмотришься, как люди живут! Кого сейчас удивишь необходимым и достаточным? Нет, что ты... Всех с головой поглотило агрессивное бытоустройство, именно туда жизненная романтика и переместилась! И вся любовь там, и глухаринные песни! Нет, я не спорю, иногда и до смешного доходит... Время и реклама сделали свое черное дело... Как у этих придурков в телевизоре, например. Нет, ты погляди на их рожи, погляди!

Арина нехотя подняла голову к экрану, всмотрелась в лица на экране. Пожала плечами:

– Да что там такого?.. Обычная реклама... Я никогда не вникаю...

– Ну и зря! Думаешь, что они там рекламируют?

– И что?

– Туалетную бумагу, вот что! С новой втулкой, которая растворяется в воде! Суперважный элемент креативного бытоустройства! Да ты глянь на эту бабу с мужиком, глянь... С каким счастьем они с этой втулкой возятся! И в банках с водой ее размешивают, и в унитаз опускают, потом около унитаза всем семейством собираются и внимательно наблюдают,

как она там себя ведет, полностью растворилась или нет... А лица какие любознательные, какие заинтересованные! У бабы с мужиком больше проблем никаких нет, представляешь? Какая любовь и романтика, какие глухаринные песни, о чем ты! Главное, чтобы втулка в унитаза растворилась. Погоди, погоди, сейчас она еще и со спины ее в унитаз кидать будет, как свадебный букет.

– Да ну тебя, Оль... Не смешно даже.

– Согласна. Не смешно. Но это жизнь. Всю романтику победила телевизионная реклама, рассказывающая о комфорте жизни.

– То есть о туалетной бумаге?

– Да при чем тут бумага!.. Ты же понимаешь, что я о глобальной проблеме говорю, а не о бумаге. Все повелись на мечту о красивой жизни. Все. Ну, или почти все... И Родя твой – не исключение.

– Оль, но у нас же все было... Квартира, машина... Сына вырастили... Мы не бедствовали, у нас все было! Может, и бумагу в туалет я именно такую покупала, с растворимой втулкой... Не знаю, не вникала как-то... У нас все было, Оль!

– Да что ты заладила – было, было! Было, да не то, что в телевизоре показывают. И даже в этой дурацкой рекламе. Ты видишь, какой у них в рекламе дом? У вас что, такой же? Чтобы в гостиной окно во всю стену, откуда видно зеленую лужайку? Из вашего окна, к примеру, что видно? Кусок двора и облезлую стену соседнего дома? И какие ощущения, ко-

гда смотришь?

– Да нормальные, Оль... Я и не думала никогда...

– Так и я о том же, Арин. Это ты не думала. Ты другая. И Родя другой. Да, вы счастливо прожили много лет, но вы не виноваты, что слеплены из разного материала. Ты смотришь в окно и радуешься этой жизни, а Родя и смотрит, и раздражается от бессилия и злобы на себя, что ничего в своей жизни изменить не может...

– Да никогда он не раздражался и не злился! Я бы увидела!

– Да ни черта бы ты не увидела!

– Почему?

– А потому, что пропускала его ощущения через свою собственную радость, как мясо через мясорубку, лепила котлетки и радовалась. Хорошо живем, у нас все есть! Ремонт сделали, новый телевизор купили! Да чего там, и новую стиральную машину можем себе позволить, и даже путешествие в Турцию в отель четыре звезды! И вообще, все это ерунда по сравнению с нашей великой любовью!.. Ну, чего на меня так смотришь? Обижаешься, да?

Нет, Арина не обижалась. Наверное, Ольга была права... Наверное, она и впрямь жила так, закрыв глаза, и пела свою счастливую песню, как глухарь на токовище. Ей и в самом деле казалось, что они живут замечательно, лучше всех. И денег вполне хватало... После того как она получила повышение и стала начальником финансового отдела, зарплата стала до неприличия высокой! В два раза больше тех денег, что

Родя домой приносил...

Ему вообще как-то не везло с работой в последние годы. То одна фирма, то другая. И нигде ему не нравилось, все было не так, как надо. То на фирме «полный бардак», то начальник «неправильный, держит его за дурака». Так и оставался вечным перебегающим менеджером без перспективы служебного роста, как ефрейтор в армии. Зря он тогда не пошел учиться, зря... Хотя мама на своем настаивала, говорила, что не в учебе дело, а просто Родион человек такой...

– Арин, да брось ты горевать, господи... – глотнув остывший кофе, тихо произнесла Ольга. – Возьми и забудь. Черт с ним, не нужен он тебе. Ты умная, красивая, еще лучше найдешь. Забудь.

– Я не смогу забыть, Оль! О чем ты?

– Но все равно рано или поздно придется... Время пройдет и забудешь.

– Нет. Я беременная, Оль.

– Ну и что? Подумаешь, проблема! А Родиону ты об этом сказала, кстати?

– Да.

– И он что?

– Ничего... Сказал – сама знаешь, что делать, не мне тебя учить...

– Ага. Ну да. Нет, ну он сволочь, конечно... По большому счету он прав, но мог бы как-то... Да ты не бери в голову, я тебя в два счета в хорошее место устрою.

– Нет. Не надо. Я буду рожать.

– Ага, рожать... С ума, что ли, сошла? В такой ситуации?

– Я буду рожать. Это не обсуждается.

– Да? А жить на что станешь? На какие шиши ребеночка растить? С работы тебя в два счета попрут, и даже с твоей начальственной должности, не сомневайся. Это же частная фирма, а не государственная контора, где беременной бабе отдай положенный чай с сахаром и не грехи перед конституцией. Попрут, как миленькую! В лучшем случае сунут в зубы приличное выходное пособие и – за дверь. Допустим, первые полгода ты на это пособие как-то сможешь перекантоваться, а потом? Будешь за алиментами бегать и натывать на Родионову ненависть? Фу, Арин... Согласись, как-то не комильфо.

– Но это же его ребенок... Неужели он?..

– А я еще раз объясняю тебе, что ничего другого, кроме ненависти, ты от него не получишь. Ну такой он, что ж поделаешь. Типаж такой. Зря ты его любила. Лучше бы другому кому эта песня досталась. Жалко. Таких баб, как ты, сейчас по пальцам пересчитать... Чтобы любовь была такая вот безусловная, в чистом виде. Это же счастье особое, богом данное!

– Да ну, Оль... О чем ты...

– Правда, правда! Это ж не все так могут, чтобы видеть от мужа фигу и быть счастливой одним духом-любовью... Как дева Мария... Еще и рожать собралась под сороковник, надо

же...

– Да, я буду рожать. Я очень хочу этого ребенка. Ничего, справлюсь как-нибудь. И все, и хватит об этом.

– Да как скажешь, хватит, так хватит. Может, ты и права. Кстати, как себя чувствуешь-то? Не тошнит?

– Тошнит... И голова кружится.

– Витамины для беременных принимай. И фрукты ешь. И творог. Ну, в общем, сама знаешь... Кстати! А как же мой день рождения? Придешь?

– Приду...

– Точно придешь? Не испугаешься? Я ведь Лерку обязана пригласить, сама понимаешь... Семья, общий бизнес... Она там какой-то родственницей моему Алексею приходится, троюродной сестрой, что ли. А Лерка с собой обязательно Родю притащит.

– погоди, Оль, я не поняла... при чем тут Родя и твоя Лерка?

– Здравствуйте, приехали!.. – всплеснула руками Ольга, глядя во все глаза на подругу. – А ты что, не знаешь разве?

– Нет... А что я должна знать?..

– Правда, не знаешь?

– Да нет же!

– О господи... А я все сижу и думаю – какой-то странный у нас разговор получается, будто мы друг друга не слышим. Ты не в курсе, значит! А я бисер мечу, объясняю про Роди-но неприятие необходимого и достаточного... Ну, теперь по-

нятно...

– Это... Лерка, да? Это он к ней ушел?

– Да. Она его просто купила, Арин. Говорю же, он сволочь... Он не достоин твоей любви, забудь его, забудь!

– Значит, Лерка... Но как же так, Оль... Нет, я не могу в это поверить. Когда они успели?

– Да ладно, чего ты, как бабка старая – когда успели, когда успели! Дурное дело не хитрое. Да ведь практически у тебя на глазах все закрутилось! Не помнишь, что ли?

– Нет... А когда?

– Два месяца назад... У нас очередная годовщина свадьбы была, помнишь?

– Помню, конечно. Мы с Родей вам немецкий сервиз подарили.

– Хм, сервиз... Про сервиз ты помнишь, а про мужа забыла.

– Нет, почему... я помню... Он все время с Леркой танцевал. Она напилась, прямо с ног валилась, почти висела на нем. Но я как-то не придавала значения, Оль. Подумаешь, напилась женщина. Он ведь мужчина, он должен слабую женщину поддерживать.

– Ну да, должен, конечно. Кто спорит. Теперь он только и делает, что ее поддерживает, а ты со мной на кухне сидишь. Меня умиляет твоя доверчивость и наивность, просто плакать хочется.

– Но я действительно не придавала значения! Мне и в го-

лову не пришло... Наоборот, я ужасно жалела этого мужчину, Леркиного друга... Думала, как ему неприятно на Лерку смотреть.

– Ой, нашла, кого жалеть! Ивана жалеть не надо, он сам по себе. Да и Лерке не по зубам этот мужик... Она давно это поняла, потому и на Родю твоего глаз положила. Да ты же знаешь эту рыжую стерву, там клейма негде ставить.

– А мне казалось, ты с ней дружишь.

– Дружу, да... Как бы дружу. А что мне остается делать? Я ж тебе объясняю, она родственницей Алексею приходится, крепкий семейный клан, один за всех и все за одного... Иногда в жизни очень и очень приходится лицемерить, Арин.

– Да, я понимаю...

Ольга глянула на нее сердито, встала из-за стола, проговорила тихо:

– Я еще кофе сварю... Будешь?

– Нет... Расскажи мне о ней еще что-нибудь, пожалуйста.

– О ком? О Лерке? Зачем?

– Не знаю...

– Ладно. Давай посплетничаем, если тебе от этого легче. В общем, Лерка не так молода, как старается выглядеть... Две пластические лицевые операции, силиконовая грудь, что-то она с задницей себе делала, не помню уже... Но выглядит хорошо, ты сама видела. Если еще прибавить эти повадки молодой капризной бабы... Но истинный возраст, я думаю, на полтинник тянет.

– Да ну... Я думала, она моложе нас.

– Нет, ошибаешься. Как тонко заметил классик – молодая была совсем не молода. Вот и у нашей молодой за плечами сколько всего, знаешь? У-у-у... Три раза успела замуж сходиться, и все за богатеньких старичков! Она и сейчас в статусе свеженькой вдовы пребывает, и довольно состоятельной вдовы. Видимо, нажилась со стариками... А когда сама состарилась, на молодое мясо потянуло, в качестве компенсации, наверное. Причем не просто так за здорово живешь компенсироваться, а чтобы замуж, чтобы красиво, как у молодых баб. Думала Ивана цапнуть – не вышло. И тут вдруг такой подарок – наш Родя на глаза попался. Молодой. Красивый. С прорехой в области необходимого и достаточного. А Лерка, она такая... У нее нюх особый, собачий, сразу эту прореху почуяла... Знаешь, я даже представляю этот Леркин хмуриж незамысловатый! Что она ему обещала, интересно? Роскошный семейный дом, лужайку, уик-энд в Париже? Ах, как хорошо мы посмотримся вместе? Ты достоин лучшей жизни, милый? Ты можешь себе это позволить, поскольку сына вырастил и долгов в прежней жизни не оставил?

– Все, Оль, хватит...

– Ну хватит, так хватит. Сама ж просила.

– Я устала. Голова опять кружится. Я лечь хочу.

– Прогоняешь меня, да? Хорошо, я уйду. Кофе вот попью и уйду. Но имей в виду – на моем дне рождения ты просто обязана появиться.

– С ума сошла? После всего, что я узнала?

– Да, именно так. Да, Лерка тоже придет и обязательно с собой Родю притащит, хотя бы для того, чтобы расставить и укрепить все акценты. И ты тоже придешь.

– Да ни за что.

– Так надо, Арина.

– Почему?

– Потому! Если испугаешься и не придешь – сразу на себе крест поставишь. Ты поневоле примешь Родину предательство как собственное унижение, понимаешь?

– Ну и пусть... Господи, да какая разница теперь.

– Есть! Есть разница! Если ты сейчас испугаешься и не придешь, ты и потом в мой дом не придешь, и так, постепенно, выпадешь из моего круга. Оно тебе надо – друзей и знакомых терять? Все наши тебя давно знают и любят... Ой, да сейчас все так делают, Арин! Это раньше при разводе друзей делили, а сейчас вовсе не повод.

– Я все понимаю, Оль, но я не смогу. Мне тяжело будет.

– Перетерпи. Так надо! Ну хочешь, я Ивана тоже позову, Леркиного бывшего?

– Зачем?

– Ну... хотя бы для равновесия?

– Какого равновесия? На одной чаше весов – двое брошенных, на другой – двое счастливых?

– Ну, Ивана, допустим, уж никак брошенным не назовешь. Он мужик такой, себе на уме. Знаешь, как Лерка долго

его окучивала? У них ведь поначалу просто деловые отношения были, он ее наследством занимался, как поверенный.

– Он что, нотариус?

– Да нет... Не знаю точно, кто он. Знаю только, что у него свое детективное агентство есть... Еще какая-то фирма... В общем, он мужик деловой и не бедный. Давно разведен, один живет. Я ж говорю, для Лерки он завидный жених был. А только на ней он все равно бы не женился, он же не сумасшедший.

– А Родя, значит, сумасшедший?

– Да нет, Родя тоже не сумасшедший. Родя хочет другой жизни. Чтобы как на картинке. Чтобы в белых штанах босиком по лужайке на фоне красивого дома. И если твоего Родю, как говорил известный сатирик, в тихом месте прислонить к теплой стенке... Одеть, огламурить, облагородить... И создать для себя «милого», как папа Карло создал для себя Буратино. Что ж делать, если мир так устроен – все бабы хотят иметь рядом с собой «милого», как атрибут женской состоятельности. Вот и попался твой Родя, да... Хотя посмотрим еще, каков он будет в роли «милого», какие песни запоет через пару месяцев! Лерка – та еще пьяная вишенка...

– Ой, хватит, Оль... Правда, не могу больше этого слышать. Плохо мне.

– Все, не буду! Сама вижу, что ты раскисла. Слишком большой поток информации на твою больную голову. Но куда ж от нее денешься, от информации. Ладно, я пойду, а

ты спать ложись. Говорят, с бедой нужно переспать. Завтра суббота, отдохнешь, в себя придешь... А в воскресенье – ко мне! Все, ничего больше слышать не хочу. Так надо, Арина. Скажи, что придешь.

– Ладно, я приду.

– Обещаешь?

– Обещаю.

Арина готова была обещать что угодно, лишь бы Ольга скорее ушла. Сил не было на разговоры. Хотелось лечь, укрыться с головой одеялом и пропасть в темноте... И дышать тихо-тихо...

Когда легла и закрыла глаза, показалось, будто услышала над ухом спасительный шепоток – не верь, это неправда, все будет как прежде. Никуда Родя не ушел, он просто не мог уйти! Утром вернется и сам будет страшно удивлен – как же так...

И поверила отчего-то. Вздохнула легко, уснула... Может, ангел-хранитель прошептал? Бывают минуты, когда человеку нужна спасительная ложь, даже от ангела... Хотя бы на первую ночь.

* * *

Под утро Арина проснулась – за окном уже рассвело. И навалилось тяжестью осознание – все это правда, правда! И нечего себя обманывать. И надеяться не на что. Надо жить,

надо привыкать, надо приспособливаться к новым обстоятельствам. Но как?

И снова будто шепнул кто на ухо: «Да очень просто, как. Все привыкают, и ты привыкнешь. Не ты первая, не ты последняя. Смирись».

Наверное, ей ангел-хранитель с противоречивым характером достался. Сначала одно шепчет, потом другое. Ренегатствующий ангел-хранитель. Смирись, главное...

Если б еще рассказал, как смириться! Как уговорить себя, если каждая клеточка организма протестует, если страшно повернуть голову и увидеть пустую половину кровати? Если так плохо, что хочется завывать в рассветное окно, чтобы не слышать раздражающе веселого птичьего гомона?

А если не завывать, так хоть в подушку заплакать...

Нет, и плакать нельзя. Никаких отрицательных эмоций – маленькому вредно. Наоборот, надо его успокоить... Перевернуться на другой бок, закрыть глаза, устроиться поудобнее и тихо начать бормотать – все, что в голову взбредет. А еще лучше спеть, сочиняя на ходу колыбельную:

Все пройдет, и наш папа вернется...

Он знает, что ты есть.

Он испугается и вернется.

Потому что мы с папой очень любим друг друга...

Он знает, что ты есть.

Странная колыбельная получилась. Как чей-то подстроч-

ник. Или японская танка. Не важно. Главное, что вынырнула и к берегу поплыла, и даже снова спать захотелось...

Разбудил телефонный звонок. Васькин голос в трубке звучал виновато и чересчур деятельно:

– Мам, доброе утро! Как ты?

– Нормально...

– Когда нам приехать? Сейчас рано еще, да? У тебя голос непроснувшийся... Мой звонок разбудил, наверное?

– Да, разбудил... Но ничего страшного. А который час?

– Уже половина девятого. Ты же в это время всегда встаешь, вот я и подумал... А оказывается, разбудил! Но я беспокоился, мам, правда...

– Спасибо, сынок. И правильно, что разбудил. Все равно мне пора вставать.

– Мам, так мы едем? Женька блинчики с мясом на завтрак делала, мы тебе привезем...

– Не надо. Я не хочу блинчиков с мясом.

– Мам, но она же старалась... Я все хотел слопать, а она не дала... Чтобы тебе...

– Ладно, извини. Это я еще не до конца проснулась. Возьмите свои блинчики.

– Ага, мы скоро...

Арина села на постели, представила Женины блинчики на тарелке. Поджаристые, лоснящиеся, свернутые аккуратными конвертиками. Первая волна тошноты пощекотала желудок, прошла по гортани, вызвав неприятие и судорожный

глотательный рефлекс. Васька сказал, они еще и с мясом... О-о-о... Что ж наша девушка так старается с завтраком, а? Могла бы и с творогом свои блинчики замастрячить, хлопот меньше. Или с повидлом каким на худой конец...

Все, надо вставать, надо взбодриться, надо встретить ребят в нормальном виде, хотя бы умытой и причесанной, и желательно с улыбкой. Надо задавить на корню все нехорошие ощущения в эпигастральной области, будь они неладны. И даже блинчик в себя впихнуть, если получится. Все-таки старалась девушка. Нельзя обижать девушку.

Васька открыл дверь своим ключом:

– Мам, это мы...

– Да, я слышу, сынок! – ответила Арина из кухни. – Доброе утро! Я как раз и кофе сварила.

Вася и Женя прошли на кухню, ступая осторожно, как по минному полю, сели за стол. Женя аккуратно поставила в центр стола пластиковый контейнер, открыла крышку:

– Вот блинчики, Арина Игоревна... Теплые еще...

Боже, а голос-то какой трагический. И взгляд. Будто она блинчики умирающей принесла. Смешно, честное слово.

– Спасибо, Женечка, – Арина улыбнулась приветливо. – Я очень люблю блинчики, с удовольствием съем. Я забыла – ты какой кофе пьешь, с молоком, со сливками или черный?

– Черный... И без сахара...

– Жень, ты опять худеешь, что ли? Зачем? По-моему, тебя и без того ветром качает.

– Вот-вот, и я про то же, – подхватил тему Васька. И сразу будто расслабился: откинулся на спинку стула, продолжил со смешком в голосе: – Скоро не под ветром качаться будет, а летать по ветру. А что, очень даже удобно! Послунявила пальчик, выставила вверх, поймала нужный ветер и полетела... Красота! И в пробках стоять не надо! Правда, Жень?

– Да ну тебя, – смутившись, опустила глаза девушка.

– А мне, мам, со сливками, с сахаром и в большую кружку, ту, мою любимую. Ну, ты знаешь.

– Да знаю, знаю, Вась. А тебе, Жень, и правда худеть не надо. Куда еще худеть? – ставя перед ней чашку с кофе, пожала Арина плечами, выразительно глянув на Ваську.

– Да ей бесполезно объяснять, мам, – отмахнулся тот, весело подмигнув Жене. – Пусть делает, что хочет. Пусть смотрит на мир голодными грустными глазами. Ежик у нас мазохист... Ежики бывают разные: черные, белые, красные... Но всем одинаково хочется на что-нибудь заморочиться! Да, Ежик?

Арина улыбнулась, повернулась к шкафу, стала искать любимую Васькину чашку. Про себя же подумала – и впрямь Ежик. Очень подходит Женечке это смешное прозвище, придуманное Васькой.

Вообще, странная девушка, надо сказать. И отношение к ней сложилось странное, ни туда, ни сюда. И что Васька в ней нашел? Нет, если нравится она ему, и слава богу, тут уж без вопросов...

В школе, например, ему нравились блондинки-веселушки, Оксанка с Дашенькой. И на первом курсе девушка Света была – тоже яркая блондинка. Потом еще Леночка... И еще какие-то подружки бело-плюшевой масти – всех не упомянешь...

А тут Ежик. Худой, длинный, неуклюжий. Черные вихорки на голове. Тонкая шея, выпирающие ключицы. И не улыбнется никогда. Сидит, вся скукоженная. Стесняется, что ли?

А еще заметно, что она старше Васьки. Пять лет разницы – не пять месяцев. Не сказать, конечно, что у нее за плечами Крым и Рим с медными трубами, но переживание какое-то все равно чувствовалось. Неспроста же она такая молчунья.

Хотя это и неплохо, что молчунья. Может, привыкла молчать, потому что одна живет. Вернее, жила... Да, это как в сказке – жил грустный одинокий Ежик в маленькой однушке на окраине города, потом влюбился и перестал быть одиноким. Надо у Васи расспросить о ее прошлом, в какой семье выросла. Почему она одна, где родители... Не сирота ли? Другая девчонка уж давно бы все выболтала о себе, а эта молчит. И смотрит на Ваську так, будто он ее от неминуемой гибели спас.

– Мам, ешь блинчики.

Васька подвинул к ней тарелку, а Арина подумала: может, признаться Ваське? Прямо сейчас. Все равно тайное когда-то становится явным.

– А вообще, мам... Ты как? Сильно переживаешь?

– Не знаю, сынок. Я не поняла еще. Не успела. Тем более, не могу себе позволить переживания, потому что... потому...

– Да понятно. Переживаешь, конечно. Ты это... Держись как-то... Если честно, я и сам от отца в шоке. Я ему так и сказал. С ума сошел, говорю? Куда? Зачем? И слышать, говорю, не хочу...

Васька подскочил со стула, подошел к окну, постоял немного, сунув ладони в карманы джинсов и нервно тряс коленкой. Потом вернулся за стол, отхлебнул кофе, глянул на Арину исподлобья.

– Так и сказал, мам... Слышать, мол, не хочу.

– А отец что тебе ответил?

– Не помню точно... Ну, что для него и для меня ничего не изменилось, мол... Он отец, а я сын, и это навсегда и навеки. Да все отцы в такой ситуации говорят одно и то же, я думаю. Потом он про учебу еще заговорил...

– А что про учебу?

– Да он спросил, когда надо вносить оплату за следующий год. Что он будет помогать в этом смысле. А я ответил, что ничего мне не надо, раз так. Уж как-нибудь обойдемся без его помощи.

– А он что?

– Да ничего. Он сказал, что я веду себя, как пацан. Мам, но мне и впрямь ничего не надо, раз так! Я и сам себе на учебу заработаю. Ни у тебя, ни у него ничего не возьму.

– А на меня ты за что обиделся, сынок?

– Да я не обиделся... Но если так получилось, я тоже... Я заработаю, ты не волнуйся.

– И я помогу, Вась... Я могу тебе дать на первый семестр... – тихо встряла в разговор Женя. Арина и Васька удивленно повернули к ней головы.

– Нет, а чего такого? – произнесла Женя, опустив глаза. Потом подняла их, взглянула на Васю, прошептала с интимной хрипотцой: – Мы же не чужие, Вась... Правда?

Арина поторопилась встать. Захотелось как-то разрядить ситуацию, чтобы не смущать сына и его девушку.

Хорошо, хоть Ваську на сегодняшний день любят. Про свою тайну она позже расскажет. Успеется.

– У вас какие планы на выходной, ребята? – спросила Арина беззаботно, со звоном складывая в мойку кофейные чашки. – Наверняка были какие-то планы?

– Да мы на дачу собирались к моему однокурснику, он всю группу на шашлыки позвал... – сказал Васька.

– Вот и езжайте на дачу. И отдохайте.

– Но, мам... А как же ты? Мы решили не ехать...

– А у меня своих дел полно! Работу по дому никто не отменял, в супермаркет сходить надо, холодильник пустой... Война войной, а обед всегда должен быть по расписанию! Тем более надо все сегодня успеть, завтра некогда будет.

– А что у тебя завтра, мам?

– На день рождения к Ольге пойду. Обещала.

– Может, не стоит, мам? Там же... А вдруг там...

– Я знаю, сынок. Отец тоже может прийти. С Лерой. Или наоборот, Лера с твоим отцом. Но я все равно пойду. Я Ольге обещала.

– Мам... Ты уверена? По-моему, не стоит все-таки.

– А почему? Во-первых, Ольга моя подруга, и у нее день рождения. Во-вторых... Мне что теперь, паранджу надеть и спрятаться от стыда? В-третьих, я хочу сама, своими глазами посмотреть. Потому что я не верю... Хоть убей меня, но я не верю. Когда увижу, тогда и поверю.

– Да я сам не верю, мам... А хочешь, я с тобой завтра пойду? Как группа поддержки?

– Нет, не надо... Я сама, сынок. Спасибо.

– Ну, как знаешь...

– Идите, ребята, идите! Отдыхайте! На природе сейчас красота... Я в полном порядке, за меня не волнуйтесь, правда.

– Точно, мам?

– Ну, я ж говорю. Идите, вас друзья ждут...

Вася глянул на Женю, будто искал у нее поддержки. Она не ответила, опустила глаза. И правильно сделала – чем она может его поддержать в данном случае?

– Что ж, мам... Тогда мы пойдем.

– Давайте, давайте... Иначе потом из пробок не выберетесь.

В окно Арина видела, как они садились в машину. Да, у

Ежика не только своя жилплощадь имеется, но и своя машина, довольно симпатичный красный «Рено». И модель не из дешевых... Надо же, как хорошо сынок устроился с любовью-то.

И сама испугалась противной мыслишки. Скрипучий внутренний голос аж задохнулся возмущением – как не стыдно, мамаша бессовестная! Как не стыдно! Вместо того чтобы радоваться сыновнему счастью...

Прости меня, внутренний голос. Прости, дуру глупую. Радуюсь я, радуюсь. Очень даже радуюсь. Я и сама радость люблю, и радовать люблю... Я и мужа вчера собиралась обрадовать, да не получилось чего-то. И я теперь не знаю, что делать, как дальше жить и кого радовать своей тайной радостью...

Слезное облако тут же подкатило, накрыло с головой, ласково огладило плечи – поплачь, поплачь. Едва расслышала через облако зов мобильного.

Ольгин голос из трубки прозвучал резко, чуть насмешливо и оттого немного обидно:

– Ты что? Ревешь, что ли? Опять? Мы вроде договорились...

– Ой, Оль... Не надо. Прошу тебя.

– Ладно, ладно, не буду. Ревь на здоровье, только особо не усердствуй, тебе нельзя.

– Да я знаю... Я чуть-чуть.

– Если чуть-чуть, то можно. Завтра приедешь? Надеюсь,

за ночь не передумала?

– Да. Я приду.

– Точно?

– Ну, я же сказала.

– Молодец. А что наденешь?

– Ой, да... Надо же платье купить...

– Вот и займись полезным и приятным делом, вместо того чтобы реветь. А то завтра глаза будут, как у пьяного тоскливого поросенка.

– Да, прямо сейчас поеду и куплю платье.

– Давай... До завтра.

– Пока, Оль.

Не поехала она за платьем. Собралась, но передумала. Зачем деньги тратить? Они еще на другие дела пригодятся... Что там с работой будет дальше – пока неизвестно. Что ее ждет?

Если только представить, как «обрадуется» шеф, когда узнает про ее интересное положение... Сразу уволит или даст до декретного отпуска доработать? Вообще-то он хороший мужик... но не настолько. Там, где начинается бизнес, понятие «хороший мужик» заканчивается. Ольга права, в лучшем случае он согласится выплатить хорошие декретные «отступные», а потом уволит. А в худшем...

А вот про худшее не надо. Как сказал один герой из недавнего умного сериала – прошлое лучше не помнить, будущего лучше не знать. Молодец мужик. Наверное, так и надо. Ну,

и мы тоже как-нибудь... Бог не выдаст, свинья не съест.

От искусственного нагнетания оптимизма Арине стало еще хуже – ну как можно не помнить прошлое? Тем более если там было хорошо. А если прошлое вдруг ушло, и ничего взамен, кроме душевной паники, не осталось... То и зацепиться не за что...

Не давая себе отчета, Арина вдруг схватила телефон, кликнула номер мужа. Пока шли длинные гудки, лихорадочно готовила в голове первую фразу. Или вопрос какой-нибудь, не важно. Но чтоб тональность была спокойная, деловая.

Родион сбросил звонок. Телефон захлебнулся короткими гудками в знак солидарности с ее возмущением: что, даже поговорить не хочешь? Как же так, Родя? Ведь я просто поговорить хотела... Голос услышать...

Чтобы снова не впасть в отчаяние, Арина быстро пошла в спальню, отодвинула дверцу платяного шкафа. Платье надо выбрать. Что-нибудь из старого и забытого... Для всех забытого, а для Роди – памятного. Да, вот это... Шелковое, темно-вишневое, с открытыми плечами. Она в нем была в ресторане, когда всей семьей отмечали Васькино поступление в институт и пили шампанское. Васька тогда сказал тост: за моих родителей, самых красивых, самых счастливых.

Как ей в тот вечер было весело, как приятно кружилась голова! Родя с Васькой смеялись – наклюкалась мать... И снова наполняли ее бокал, и танцевали с ней по очереди. А еще

Родя подарил ей цветы – большой букет белых роз. Теперь она точно знает, каким бывает счастье. Оно кружит голову, как шампанское, и пахнет розами. Одурманивает, оглушает и ослепляет.

Интересно, Родя помнит это платье? Наверняка помнит. Вот в нем и пойду...

* * *

А воскресным утром накатила паника – зачем обещала Ольге! Нельзя туда идти, лучше остаться дома. Ужасно глупая затея – дать себе пережить заново боль, унижение и отчаяние... Она ж не мазохист, в конце концов. Нет, не права Ольга. Надо беречь себя и не вылезать на белый свет из темной норки... Зачем, зачем обещала!

К тому же все валилось из рук. И задумка с платьем оказалась не совсем удачной. Рядом с женщиной в таком платье должен быть мужчина, который бы держал за руку, оберегал... Незащищенность открытых плеч этого требует. А без мужчины рядом женщина в таком платье слишком вызывающе смотрится.

Надо же, подумала Арина, она никогда раньше не задумывалась над этими неписаными правилами – что может надеть на вечеринку женщина с «тылами» и женщина «без тылов»... Или это не правила никакие, а ее собственные на данный момент панические ощущения? Вдобавок и прыщ

на лбу за ночь выскочил – полная дисгармония – открытые плечи и прыщ на лбу! И волосы феном пересушила, легли не так, как задумывала. Да плюс тошнота... Непреходящая, мучительная, вытягивающая последние силы.

И все же Арина как-то собралась. Ругая себя, на чем свет стоит, вызвала такси, подошла к окну.

Ах, ну конечно. Еще и небо заволокло тучами, гроза собирается. Такой день, значит... Все к одному... И отступить некуда. Нет, можно, конечно, отступить в последний момент... Позвонить Ольге, сказать больно.

На телефон пришло сообщение: такси прибыло. Что ж, ладно. Пусть будет, что будет. Но все равно – затея ужасно глупая и жестокая! Зачем?! Зачем...

Гроза так и не началась – решила мимо пройти. Покапал редкий дождичек, пока ехали, потом небесная хмарь и вовсе исчезла, оставив после себя радугу. И дышать стало легче. И как хорошо на радугу смотреть! Хорошо, но ужасно грустно. Хотелось плакать по той жизни, которой уже не будет. Но плакать нельзя – нарисованное лицо потечет.

Наконец приехали.

Ольга махнула Арине издалека, пошла по дорожке навстречу, придерживая платье. Сногсшибательное, кстати! Хороша, чертовка. Больше тридцати не дашь.

– С днем рождения, Оль! Чудесно выглядишь!

– Спасибо, подруга. Молодец, что приехала.

Они обнялись, расцеловались. Арина выудила из пакета

подарок – расписной дизайнерский шарф ручной работы.

– Ой, спасибо, Арин! Какая прелесть! Мне ужасно нравится! Ты же знаешь – я обожаю батик... Ну, опять угодила...

– Я старалась, Оль. Да, тебе идет... И даже к этому платью... Сегодня все для тебя, подруга! Смотри, даже гроза стороной прошла. Устыдилась тебе праздник испортить.

– Ну да... А ты? Как ты себя чувствуешь, Арин?

– Да так себе, если честно.

– Что, градус достоинства упал?

– Ой, упал, Оль... Практически до нуля. Я и ехать не хотела.

– Ладно, не дрейфь, прорвемся. Кстати, они уже здесь, вместе нарисовались. У Лерки такой вид... Нагло торжествующий. А у Роди, наоборот, слегка обалдевший. Смотрит по сторонам, любопытные взгляды ловит. Я думаю, они оба уверены, что ты не придешь.

– Действительно, зачем я здесь?

– Затем! Все ты правильно сделала! Улыбнешься, поздороваяешься, как ни в чем не бывало. Ты же сильная женщина, Арина. Ты цельная, ты умная! Уж я-то знаю, какая ты. Как в песне – любить так любить, стрелять так стрелять!

– Не, я стрелять не умею.

– Научишься, делов-то. Представь, что у тебя за пазухой пистолет, и ты в любое время можешь его достать и направить в Родю. Не чтобы убить, а так, чтобы боялся. Заодно

и романтики в себе поубавишь, а то она тебя назад тянет, градус достоинства понижает. Без романтики легче, Арин. Ишь, втемяшила себе в голову – люблю, люблю! Столько лет втемяшивала, и для чего, спрашивается?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.